

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.72.8>

НАЗВАНИЯ КУХОННОЙ УТВАРИ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ЧАЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Научная статья

Бальжинимаева Б.Д.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-6852-7835;

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (bairka2002[at]list.ru)

Аннотация

Чай, который привозили из Китая, у монгольских народов появился в конце XVI – начале XVII вв. Особым спросом пользовался зеленый чай грубого помола, его прессовали и называли «кирпичным чаем». Данная статья посвящена исследованию лексико-семантического пласта, отражающего названия кухонной утвари, использовавшейся для приготовления чая. Формирование данной лексики имеет глубокие исторические корни и тесно связано с традиционным укладом жизни и кочевым бытом кочевых монгольских народов. Исследование имеет особое значение для этнолингвистической реконструкции картины мира и представляется важным, поскольку в связи с появлением новых видов и технологий производства часть предметов выходит из активного употребления и слова переходят в разряд устаревшей лексики.

Ключевые слова: монгольские народы, материальная кочевая культура, лексика, монгольские языки, диалекты, кухонная утварь, названия посуды, чай.

NAMES OF KITCHEN UTENSILS FOR MAKING TEA IN MONGOLIAN LANGUAGES

Research article

Balzhinimaeva B.D.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-6852-7835;

¹ Banzarov Buryad State University, Ulan-Ude, Russian Federation

* Corresponding author (bairka2002[at]list.ru)

Abstract

Tea, which was brought from China, appeared among the Mongolian peoples in the late XVI – early XVII centuries. Coarsely ground green tea was in particular demand; it was pressed and called ‘brick tea’. This article is devoted to the study of the lexical-semantic layer reflecting the names of kitchen utensils used for making tea. The development of this vocabulary has deep historical roots and is closely linked to the traditional way of life and nomadic lifestyle of the nomadic Mongolian peoples. The research is of particular importance for the ethnolinguistic reconstruction of the worldview and is significant because, with the emergence of new types and technologies of production, some items are falling out of active use and words are becoming obsolete.

Keywords: Mongolian peoples, material nomadic culture, vocabulary, Mongolian languages, dialects, kitchen utensils, names of tableware, tea.

Введение

Актуальность темы исследования определена возрастающим интересом изучения отдельных пластов лексики, связанных с особенностями культурно-хозяйственных типов, представленных у монгольских народов. Через изучение бытовой лексики любого народа можно проследить развитие человеческого общества, влияние соседних и даже отдаленных народов, с которыми в далеком прошлом они были связаны, хозяйственную деятельность с древних времен.

Цель исследования заключается в лингвистическом анализе наименований посуды, кухонной и другой домашней утвари для приготовления чая, выявление через фрагмент лексики особенностей мировосприятия и отражения языковой картины мира в языке носителей монгольских языков и диалектов.

Научная новизна настоящего исследования состоит в комплексном системном описании и классификации терминов, связанных с приготовлением чая — одного из ключевых элементов традиционного быта монгольских народов.

Методы исследования. Исследование осуществлено с помощью метода сплошной выборки из языковых, толковых словарей и словарей традиционного быта монгольских народов, а также этнографические и фольклорные материалы. Применены методы лингвистического наблюдения, сравнительного и этимологического анализа.

Основой исследования послужили полевые материалы авторов:

ПМА, инф. 1. Цэндсүрэн Цэрэнчимэд, жен., 1943 г.р., Төв аймаг, Баяндэлгэр сум.

ПМА, инф. 2. Бальжинимаева Ц. Ц., жен., 1950 г.р., Читинская область, Агинский район, с. Цокто-Хангил.

ПМА, инф. 3. Дензинова Л.М., жен., 1953 г.р., Республика Калмыкия, г. Элиста.

Основные результаты

О древности чайной церемонии можно судить из эпосов и магталов. Так, в «Хвалебной песни Алтая», которую алтайские урианхайские сказители непременно произносят перед началом исполнения находим:

Бага л цагаан өвгөчүүл

Хоймор суурийн эхэнд

Бардам сууж завилаад

Их л цагаан самгачуул

Зүүн суурийн эхэнд

Бэлхэнцэглэн суугаад

Аагтай улаан цайгаа

Уун сууж хүүрнэлдээд ...

Седовласые старцы во главе почётного места — у хоймора,

сидят важно скрестив ноги;

белолицые женщины в левой части чинно располагаясь;

потягивали крепкий красный чай, неспешно беседа ... [4, С. 126].

Чай (ср. х.-монг. *сүүтэй цай*, бур. *хүтэй сай*, калм. *хальмг цэ*) занимает одно из особых мест в системе традиционного питания и духовно-бытовой культуры монголоязычных народов. Чай обеспечивал не только утоление жажды, но и восполнение питательных веществ, что особенно важно в условиях кочевого образа жизни. У.-Ц. Онгодов приводит интересный арифметический подсчет количества, потребляемого агинскими бурятами чая: «На шесть душ взрослых при тщательно экономическом употреблении выходит большого формата кирпичного чая в одну неделю; стоимость этого кирпича около 60 копеек до 1 рубля 20 копеек ... Стало быть 243623 кирпича чая употребляемы одними агинцами с женским полом в 28 тысяч слишком человек ...» [7, Л. 6].

Для резки прессованного кирпичного зеленого чая буряты обычно использовали специальное приспособление — *сайн хэршүүл*. Чаерезка состояла из двух частей: кривого ножа с крючком на конце лезвия и деревянной прямоугольной дощечки с двумя перпендикулярно состыкованными стенками или выдолбленного основания овальной формы. К дощечке прибивалась небольшая железная петля, за которую зацепляли крючковатый конец ножа для резки чая (ПМА, 2). Составной термин образован по модели атрибутивного словосочетания: *имя суц. в род. п. + суц.* Главное слово *хэршүүл* образовано от глагольной основы *хэршээ* = «резать, нарезать, разрезать» при помощи суффикса =үүл.

В каждой семье были ступки для толчения зеленого чая, которые выдавливали из цельного куска березы или отливали из чугуна (ср. стп.-монг. *цуг*, х.-монг. *уур*, бур. *уур*, калм. *ур*, шэн.-бур. *уур*, ойр. Монг. *уур*, баргут. *уур*, дагур. *огор*). Ступка изготовлялась в комплекте с деревянным пестом, который вырезали из осины и кедра (ср. стп.-монг. *nüdügür*, х.-монг. *мунц/нүдүүр*, бур. *мунса/нюдүүр*, калм. *нүдүр*, хорч., джал., дурб., архорч., бар., шгол., уцаб., чах., орд. *нүдүүр*, ойр. Синьцз. баргут. *мунчирга/манцуурга/модон сүх*, дагур. *нюдүүр*). Слова *нүдүүр*, *нухуур* образованы от глагольных основ *нүдэ* = «толочь пестом (в ступке)», *нуха* = «тереть, растирать; размешивать» при помощи распространенного суффикса =үүр.

В традиционных представлениях монгольских народов ступка и пестик составляют неразрывную пару, символизирующую идею единства и гармонии, недопустимым считалось хранение их отдельно. Слова *уур* и *нүдүүр* относятся к высокочастотным лексемам, которые функционируют в пословицах, поговорках: *Ууран дотор ус нүдэж*, *усан дотор шавар угаах* «В ступке бить воду, в воде мыть грязь» (о действиях, не приносящих результата); *Ууран дотор тогтохгүй, усан дотор шингэхгүй* «В ступке не удерживается, в воде не растворяется» (о человеке, который нигде не приживается); в загадках: *Өвгөн эмгэн хоёр өглөө босоод зодолдоно* «Старик и старуха, встав утром, дерутся» (ступка и пест); *Хуурай худагт хув лам гүрэм хийнэ* «Хув лама совершает молебен у сухого колодца» (толочь чай в ступке) (ПМА, 1).

Заваривают чай в чугунных котлах, в кипящую воду кладут кирпичный чай и после того как кирпичный чай прокипал и было добавлено молоко, чай размешивали снизу вверх десятки раз (ср. х.-монг. *цай самрах*, бур. *хамарха*, калм. *хөлхн*). Многократное взбивание делает напиток более густым, насыщенным кислородом, однородным по цвету и вкусу и считалось, что такой чай снимает усталость. По свидетельствам старожил, в идеале чай следует *перелить 108 раз, так как данное число воспринималось как священное, соотносимое с буддийскими представлениями* (ПМА, 1). У калмыков число иное — 77, либо 99 раз. В калмыцкой культуре число «7» связан с предками, их покровительством, а «9» символизирует достаток и благополучие, обилие скота (ПМА, 3). Нередко в чай добавляли масло и соль для восстановления соляного баланса в организме, а также поджаренную ячменную муку, слегка обжаренное сало бараньего курдюка.

Перемешивали чай металлическим ковшом: ср. стп.-монг. *šinaγ-a*, х.-монг. *шанага*, бур. *шанага*, калм. *шанһ*, шэн.-бур. *шанага*, хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум. *шенаг*, шгол., уцаб., чах. *шанаг*, орд. *шинага*, баргут. *шанага*, дагур. *масоо*, ж.-уйг. *јанаѳо*, монгр. *ѳанаѳа*, дунс. *šinaγa*, баоан. *паѳѳ*. Д.Д. Дондокова в статье «Китайские заимствованные элементы в бурятском языке» слово *шанага* «ковш; разливальная ложка, половник, поварешка» считает китайским заимствованием: «(х.-монг. *шанага(н)*, калм. *шанһ*, стп.-монг. *šinaγ-a*; тюрк. *čanaq* «посуда», ДТС *čanaq* «деревянная долбленая посуда небольшого объема; чашка, миска, блюдо») < кит. *chín* «китайский» + *aiaq* «чашка»» [5, С. 126]. В.И. Рассадин сопоставляет данное слово с др.-тюрк. *čanaq* «1) деревянная долбленая посуда небольшого объема; 2) чашка, миска, блюдо» [9, С. 97-101].

Сваренный чай процеживают через цедилку, сплетенную из ковыля в форме ложки (ср. стп.-монг. *šigür*, х.-монг. *шүүр*, бур. *шүүр/шүүмэг*, калм. *шүр*, ойр. Монг. *шүүгүүл*, баргут. *шүүр*, дагур. *шүүр*). Название цедилки образовано от глагольной основы *шүү* = «цедить».

Приготовленный чай обычно не оставляли в котле, а переливали в специально предназначенный сосуд (ср. стп.-монг. *dombu*, х.-монг. *домбо*, бур. *домбо*, торг.-калм. *домб*, дерб.-калм. *донжиг*, ойр.Монг. *домба*, ойр. Синьцз. *домбо*, шэн.-бур. *домбо*, дарх., джас. *дом*, дурб. *домон*, шгол., уцаб., чах. *домбо*, орд. *домо*, баргут. *домбо*). Наиболее распространёнными являлись деревянные сосуды, собранные из деревянных дощечек и стянутые серебряными или медными обручами. Наряду с ними использовались сосуды из меди, латуни, а в зажиточных семьях — из серебра. Слово *домбо*, как пишет монгольский ученый О. Сүхбаатар, было заимствовано из тибетского языка *idong bo ~ ldung to*: *мод төмөрлөгөөр хийсэн, цоргогүй хараатай шингэн зүйл хийх сав* — «сосуд для жидкости из дерева или металла без носика» [11, С. 99]. Петлеобразная ручка прикреплялась к средней части *домбо* — *бариул*. Горлышко сосуда называлось: стп.-монг. *ᠰᠣᠷᠭ᠎ᠠ*, х.-монг. *цорго*, бур. *сорго*, калм. *цорһ*, шэн.-бур. *сорго*, хорч. *шорог*, архорч., бар., чах. *чорог*, орд. *чорго*, ойр. Синьцз. *цорһо*, баргут. *сорго/гоожуур*, дагур. *чаахуус хонишоор*. В дагурском языке в термине-словосочетании *чаахуус хонишоор* главное слово употреблено в переносном значении, а определяемое — заимствованное из китайского языка слово *чаахуу* «чайник». Серебряные или медные обручи называются *хаж* или *бүслүүр*. Лицевая часть сосуда для чая должна всегда быть обращена к божествам или гостям и называлась *хараа*. А.А. Бадмаев пишет, что конструкция и название этих сосудов совпадает у калмыков, монголов и бурят. «Поэтому можно предположить, что этот вид посуды мог использоваться ими еще в XV-XVI вв., в период, когда между этими народами существовали интенсивные и постоянные этнокультурные контакты в рамках единого этнополитического пространства» [1, С. 52].

В «Словаре кочевого быта монголов» зафиксированы виды сосудов для чая по размерам: *бага гарын домбо* «небольшой сосуд», *дунд гарын домбо* «сосуд для чаш среднего размера», *үүрдэг домбо* «сосуд для перевозки». Большой высокий кувшин в монгольском языке называется *морин домбо*. Термин-элемент *морин*, означающий «что-то большое, крупное», характерный для многих монгольских языков, наличествует и в названиях посуды. Например, ср. *морин шил* «бутылка». Баргуты использовали этот же сосуд не только для чая, но и для хранения и сбора пенки (баргут. *өрмийн домбо*) [6, С. 196].

Поскольку чай считается лучшим из пяти угощений (*тансаг таван идээ*), отношение к нему наполнено особым благоговением и символизмом. Чайник из меди или латуни (ср. стп.-монг. *dangqu*, х.-монг. *данх/тунхуу*, *дэвэр*, бур. *гүсэ*, калм. *чееньг*, ойр.Монг. *чүүг(н)/тунхуу*, баргут. *дэвэр*, дагур. *чаахуу*) ставят в почётном месте юрты — у хоймора на специально предназначенный столик или подставку. Д.Д. Дондокова данное слово приводит как заимствование из китайского языка: х.-монг. *данх(ан)* «чайник», *данхаа* «сосуд для кипячения клейстера», калм. *танг* «небольшой котелок», стп.-монг. *tangqa~dangqa* «горшок для варения клея» < кит. *tan hu* «чайник» [5, С. 128].

Чай разливали в плоские, маленькие деревянные чашки (ср. стп.-монг. *taysi*, х.-монг. *тагиш*, зап.-бур. *тагша*, калм. *тагиш*, ойр.Монг. *такиш*, баргут. *тагш*). А.А. Бадмаев указывает, что «тувинцы и тофалары пользовались чашками *тагша*, название которых сродни вышеназванным чашкам предбайкальских и присаянских бурят, и вполне вероятно, учитывая географическое соседство, что мы через века сталкиваемся с наследием древнетюркского населения Присаянья и Предбайкалья» [2, С. 110].

Название пиалы для чая в сравниваемых языках выражено общемонгольским словом: ср. стп.-монг. *ауау-а*, х.-монг. *аяга*, бур. *аяга*, калм. *ааһ/цөөмэ*, шэн.-бур. *аяга*, ойр. Монг. *аага/айга*, ойр. Синьцз. *ааһа*, хорч., джал., дурб., горл., чах. *ајіг/ајаг*, архорч. бар., онн., найм., харч., тум., шгол., уцаб. *ајіг*, орд. *ајага*, баргут. *аяга*, дагур. *аіүз/тиңга:чāчук/таңгураа*, ж.-уйг. *гејре/аіүа*, монгр. *јага*, дунс. *јіга*, баоан. *јіга*, могол. ---. Данное слово заимствовано из уйгурского языка *ајаг*: *идэх уухад хэрэглэх шавар, шаазан, мод зэргээр хийсэн сав* — «посуда из глины, фарфора, дерева для употребления пищи» [11, С. 29]. А.А. Бадмаев относительно этимологии слова *аяга* придерживается мнения Г.И. Рамседта, который тюркское *айак* вместе с монгольским *ајага*, калмыцким *аг* (пиала), тунгусским *һага*, *ага* возводит к *rai* (скорлупа), корыто, лодка и т.д. [2, С. 110].

В зависимости от материала чашки имели разные видовые названия, выраженные лексикализованными словосочетаниями.

Ср. х.-монг. *үндсэн аяга*, бур. *үндэһэн аяга* «чашка для чая из корня дерева». Такие небольшие чашки монголы делали из ильма, кедра, из корня березы, а буряты делали, в основном, из корня березы: ср. х.-монг. *хайлаас аяга*, *хуш аяга*. Название образовано по известной в монгольских языках модели: *имя суц.* + *суц.*, где определяющими словами являются имена существительные — названия пород деревьев в именительном падеже. Иногда деревянные чашечки покрывались лаком и оправлялись резным серебром, в результате появилось название: ср. х.-монг. *мөнгөн аяга*, бур. *мүнгэн хүбөөтэй аяга*, ойр. Монг. *мөнгөн аага* «чашка из серебра; чашка, оправленная по верхнему краю серебром».

В обиходе использовались чашки разных размеров и форм. Так, большая глубокая чашка называлась: ср. х.-монг. *онхор аяга*, баргут. *онхор аяга*, дагур. *илаа*. В словосочетании *онхор аяга* слово *онхор* переводится как «глубокий». Пузатая, выпуклая чашка с выдающимися боками в современном монгольском языке называется *хумбан аяга*, где слово *хумбан* означает «комкообразный, шарообразный». Определяющее слово *хумбагар*, выражающее форму предмета, выражено изобразительным словом.

В.И. Рассадин, Д.Б. Цыренова в своей статье «Лексика материальной культуры окинских сойотов» пишут: «Есть у сойотов и особый двоянный мешочек, состоящий из двух отделений: одно для чая, другое для соли — имеющий одну общую завязку. Такой двоянный мешочек носит название *холбоольджин*» [10, С. 68]. Мешочек из козьей или овечьей кожи для хранения чая, соли в бурятском языке назывался *хүдэһэн*. В бурятском языке имеются другие значения слова *хүдэһэн* — «овчина» и «недубленая кожа» (ПМА, 2). А.А. Бадмаев пишет, что «парные сумочки для зеленого чая и соли у присаянских бурят назывались *сай дабаһани мунэһэ(н)*, т.е. «посуда для соли и чая» [2, С. 46]. Небольшой мешочек из кожи, ткани или войлока для хранения чая в монгольском языке назывался *таарцаг* (ПМА, 1).

По обычаю в подношение природным силам — духам местности и предкам первая порция чая (*цайны дээж*) возливается деревянной девятизачейной ложкой (ср. стп.-монг. *ᠰᠠᠴᠢᠯ*, х.-монг. *цайн дээж өргөх цацлын халбага*, калм.

цацур, ойр. Монг. *цацал*). Произносятся молитвенные обращения к небесным и земным божествам, духам рода и местности:

Үе үеийн өвөг дээдэс
 Хөх мөнх тэнгэр эцэг минь
 Хөрст алтан дэлхий эх минь
 Ерэн есөн тэнгэр минь
 Гучин гурван хурмаст минь
 Уул усны эздүүд минь
 Ураг төрлийн онгодууд минь
 Өвгөн буурал аав минь
 Эмгэн буурал ээж минь
 Харсан даасан тэнгэрүүд минь
 Хар лусын савдгууд минь
 Атаа таван тэнгэр минь
 Та бүхэндээ цайнхаа дээжийг өргөж байна.
 «Предкам моим из поколения в поколение,
 Отцу моему — Великому Синему Небу,
 Матери моей — Золотой Земле,
 Девяносто девяти небесам,
 Тридцати трём небесным владыкам,
 Хозяевам гор и вод, родовым онгонам,
 Старцу-седовласому отцу,
 Седовласой матери моей,
 Видящим и оберегающим небесам,
 Хранителям подземного мира,
 Пяти небесным духам зависти
 Вам всем возношу я первую чашу чая» (ПМА, 1).

Заключение

Из приведенного в статье материала видно, что данная лексика относится к наиболее древнему, базовому слою лексического состава, формировавшемуся на протяжении веков в тесной связи с материальной культурой и повседневым укладом жизни монголоязычных народов. Изучение лексико-семантических групп, отражающих различные стороны традиционной хозяйственной деятельности, является актуальным, в особенности с возрастающей глобализацией и технологическими преобразованиями. На современном этапе развития общества стали пользоваться покупными изделиями, взамен традиционной деревянной и металлической посуды — стали использовать современную фарфоровую, эмалированную, пластиковую посуду. Вместе с исчезновением традиционных форм производства и быта из активного употребления выходит значительная часть соответствующей лексики, а сохранившиеся слова нередко подвергаются семантическим сдвигам и переосмыслению.

Список сокращений языков и диалектов

архорч. — арухорчинский
 баоан. — баоаньский
 бар. — бааринский
 баргут. — баргутский
 бур. — бурятский
 дагур. — дагурский
 дарх. — дархатский
 дарх.-мянг. — дархан-мянган
 дерб-калм. — дербетский говор калмыцкого языка
 джал. — джалайтский
 джар. — жарутский
 джас. — джасту
 др.-тюрк. — древнетюркский
 дунс. — дунсянский
 ж.-уйг. — язык желтых уйгуров
 калм. — калмыцкий
 кит. — китайский
 монгр. — монгорский
 ойр. Монг. — ойратский Монголии
 ойрат. Синьцз. — язык ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР
 онн. — оннютский
 орд. — ордосский
 русск. — русский
 стп.-монг. — старописьменный монгольский
 тиб. — тибетский
 торг.-калм. — торгутский говор калмыцкого языка
 тюрк. — тюркский

уйг. — уйгурский
 уцаб. — уланцаб
 х.-монг. — халха-монгольский
 харч. — харчинский
 хорч. — хорчинский
 чах. — чахарский
 шгол. — шилингольский
 шэн.-бур. — язык шэнэхэнских бурят, живущих в КНР

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ 2025-2027 гг. № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The research was funded by grant No. 25-18-00703 from the Russian Science Foundation for 2025–2027, "Study of the Turkic and Mongolian vocabulary related to material culture associated with household utensils and tableware: a comparative historical perspective".

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов) / А.А. Бадмаев. — Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. — 160 с.
2. Бадмаев А.А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты (к проблеме этнокультурных контактов) / А.А. Бадмаев. — Новосибирск, 2005. — 204 с.
3. Бальжинимаева Б.Д. Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект / Б.Д. Бальжинимаева; отв. ред. В.И. Рассадин. — Элиста : Издательство ЗАО «Научно-производственное предприятие "Джангар"», 2018. — 198 с.
4. Гонгоржав Г. Монголчуудын модон өв соёл. — Улаанбаатар, 2011. — 494 х.
5. Дондокова Д.Д. Китайские заимствованные элементы в бурятском языке / Д.Д. Дондокова // История и внешние связи бурятского языка. — Улан-Удэ, 2004. — С. 120–137.
6. Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь (Словарь кочевого быта монголов). — Улаанбаатар : Монсудар, 2014. — 611 х.
7. Онгодов У.-Ц. «Рассказ об агинских бурятах» в ответ на программу вопросов Томского статистического комитета. От 8 августа 1880 г. / У.-Ц. Онгодов // Хранилище восточных рукописей Бурятского научного центра СО РАН. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 6.
8. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков / Г.Ц. Пюрбеев. — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1996. — 176 с.
9. Рассадин В.И. Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в халхасском, бурятском и калмыцком языках / В.И. Рассадин // Вестник Калмыцкого университета. — 2017. — № 1 (33). — С. 97–101.
10. Рассадин В.И. Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов / В.И. Рассадин, Д.Б. Цыренова // Проблемы бурятской диалектологии. — Улан-Удэ, 1996. — С. 45–57.
11. Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. — Улаанбаатар, 1999. — 233 х.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Badmaev A.A. Remesla aginskikh buryat (k probleme ehtnokul'turnykh kontaktov) [Crafts of the Agin Buryats (on the problem of ethnocultural contacts)] / A.A. Badmaev. — Novosibirsk : Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1997. — 160 p. [in Russian]
2. Badmaev A.A. Tradicionnaya utvar' buryat v XIX – nachale XX v.: tekhnologicheskij i mirovozzrencheskij aspekty (k probleme ehtnokul'turnykh kontaktov) [Traditional utensils of the Buryats in the 19th – early 20th centuries: technological and worldview aspects (on the problem of ethnocultural contacts)] / A.A. Badmaev. — Novosibirsk, 2005. — 204 p. [in Russian]
3. Balzhinimaeva B.D. Tradicionnaya remeslennaya leksika v mongol'skikh yazykakh: sravnitel'no-istoricheskij aspekt [Traditional craft vocabulary in Mongolian languages: comparative-historical aspect] / B.D. Balzhinimaeva; responsible editor V.I. Rassadin. — Elista : Publishing House of JSC «Scientific and Production Enterprise "Dzhangar"», 2018. — 198 p. [in Russian]
4. Gongorzhav G. Mongolchuudyn modon öv soyol [The Wooden Heritage Culture of the Mongols] / G. Gongorzhav. — Ulaanbaatar, 2011. — 494 p. [in Mongolian]

5. Dondokova D.D. Kitajskie zajmstvovannye ehtlementy v buryatskom yazyke [Chinese borrowed elements in the Buryat language] / D.D. Dondokova // Istoriya i vneshnie svyazi buryatskogo yazyka [History and external relations of the Buryat language]. — Ulan-Ude, 2004. — P. 120–137. [in Russian]
6. Mongol nüüdelchdiin tailbar tol' [Dictionary of the Nomadic Life of Mongols]. — Ulaanbaatar : Monsudar, 2014. — 611 p. [in Mongolian]
7. Ongodov U.-Ts. "Rasskaz ob aginskikh buryatakh" v otvet na programmu voprosov Tomskogo statisticheskogo komiteta. Ot 8 avgusta 1880 g. ["The Story of the Agin Buryats" in response to the questionnaire of the Tomsk Statistical Committee. Dated August 8, 1880] / U.-Ts. Ongodov // Khranilishche vostochnykh rukopisej Bur yatskogo nauchnogo centra SO RAN [Manuscript Repository of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. — F. 1. — Op. 1. — D. 16. — L. 6. [in Russian]
8. Pyurbeev G.Ts. Tolkovyj slovar' tradicionnogo byta kalmykov [Explanatory Dictionary of the Traditional Life of the Kalmyks] / G.Ts. Pyurbeev. — Elista : Kalmyk Book Publishing House, 1996. — 176 p. [in Russian]
9. Rassadin V.I. Obshchemongol'skaya leksika po ra zdelu inter'er, domashnyaya utvar' i posuda v khalkhasskom, buryatskom i kalmytskom yazykakh [Common Mongolic vocabulary concerning the inside of buildings, furniture and cooking utensils in the Khalkha Mongolian, the Buryat and the Kalmyk languages] / V.I. Rassadin // Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University]. — 2017. — № 1 (33). — P. 97–101. [in Russian]
10. Rassadin V.I. Zhivotnovodcheskaya leksika v yazyke okinskikh buryat i sojotov [Livestock vocabulary in the language of the Oka Buryats and Soyots] / V.I. Rassadin, D.B. Tsyrenova // Problemy buryatskoj dialektologii [Problems of Buryat Dialectology]. — Ulan-Ude, 1996. — P. 45–57. [in Russian]
11. Sükhbaatar O. Mongol khelnii khar' ügiin tol' [A Dictionary of foreign words in Mongolian] / O. Sükhbaatar. — Ulaanbaatar, 1999. — 233 p. [in Mongolian]